

— Ли Сянин, сестренка, я все понял. Больше ни слова, побереги силы, иначе Сюй Цзиньсяо еще сильнее вымотается.

— Хорошо, братец Сюй.

Ли Сянин, хоть и чувствовала себя немного неловко, все же крепко держалась за Сюй Цзиньсяо — иначе, казалось, она вот-вот свалится на землю. Сюй Цзиньсяо тяжело дышал, совершенно забыв о своем имидже кинозвезды.

[Ха-ха-ха, неужели наш киноактер такой забавный?]

[Бедный Сюй Цзиньсяо, тащит на себе двоих, посмотрите, как он устал.]

[Кто заставлял его быть таким выносливым? Больше силы — больше ответственности!]

У Гу Лянчэня лицо тоже было не из лучших: губы побелели, брови плотно сдвинуты, а на лбу выступили мелкие капли пота. Путь, который он проделал сегодня, был, пожалуй, самым длинным и тяжелым в его жизни. Он едва не падал от усталости, но продолжал держаться.

[Папочка Гу... как же жалко.]

[Лицо совсем белое, сердце разрывается.]

[Бессовестные организаторы, неужели они не знают, что у него слабое здоровье?]

В этот самый момент Гу Лянчэнь споткнулся. Его тело качнулось, рука, державшаяся за Сюй Цзиньсяо, скользнула по вспотевшей ладони, и он начал заваливаться вперед. Сюй Цзиньсяо, испугавшись, среагировал мгновенно: он подался вперед и упал на землю, подставив спину, так что Гу Лянчэнь рухнул прямо на него.

Сюй Цзиньсяо тут же судорожно вдохнул. Гу Лянчэнь был крупным, высоким мужчиной, и удар пришелся весьма ощутимый.

— Ой, моя поясница, — прохрипел он.

Гу Лянчэнь, который уже приготовился к болезненному падению, был поражен тем, что Сюй Цзиньсяо спас его, приняв удар на себя. Не сказать, что он не был тронут, было бы ложью. Он отодвинулся от Сюй Цзиньсяо и помог ему подняться.

— Ты в порядке? — спросила Ли Сянин, которая до этого момента заворуженно наблюдала за сценой.

— Все нормально, нормально, — Сюй Цзиньсяо сделал вид, что все под контролем, и отмахнулся, приняв невозмутимый вид.

Затем он принялся отряхивать одежду, а Гу Лянчэнь наклонился, чтобы помочь ему.

— Ну и славно, — добавил Гу Лянчэнь.

Увидев, что супруг беспокоится о нем, Сюй Цзиньсяо мгновенно повеселел — тем более что боли почти не было. Ли Сянин тоже хотела подойти и помочь, но Гу Лянчэнь остановил ее одним лишь взглядом. Девушка почувствовала себя обиженной, надула губы и отвернулась.

[Два взрослых мужика, такие жадины! Неужели им жалко, если наша Сянин прикоснется?]

[Сянин, дорогая, не обращай на них внимания, мы с тобой.]

[Посмотрите, как обидели нашу Сянин, иди к нам, мы тебя обнимем!]

Когда они привели себя в порядок, Ли Сянин снова ухватила за рукав Сюй Цзиньсяо и поторопила их:

— Раз все в порядке, давайте идти дальше.

Сюй Цзиньсяо кивнул, снова взял Гу Лянчэня за руку, и троица продолжила путь к склону горы. Время от времени Сюй Цзиньсяо поглядывал на дорогу, и, поняв, что они почти на месте, с облегчением выдохнул. Наконец-то он будет свободен!

Когда они добрались до середины склона, все были измотаны. Сюй Цзиньсяо, не теряя времени, отпустил Ли Сянин, отошел подальше вместе с Гу Лянчэнем и принялся жадно ловить ртом воздух. Ли Сянин проводила его обиженным взглядом, но ему было все равно.

Случайно подняв голову, он увидел бескрайние персиковые сады. Розовое море, уходящее за горизонт, словно окутало их волшебным облаком. Деревья ломились от крупных, сочных плодов с соблазнительно красными боками.

— Глоть.

Все присутствующие одновременно сглотнули слюну, украдкой поглядывая на лакомство. После такого долгого пути они изголодались, и при виде свежих персиков слюнки текли сами собой, но терять лицо никто не хотел.

— Все в сборе? Тогда начинаем сбор персиков, — раздался голос режиссера из динамиков на деревьях.

Люди очнулись, схватили корзины и принялись за дело. Сюй Цзиньсяо не отставал: закрепив корзину на груди, он начал срывать персики обеими руками, быстро наполняя ее плодами. Гу Лянчэнь попытался повторить за ним, но вскоре выдохся. Заметив это, Сюй Цзиньсяо почувствовал укол в сердце и предложил ему присесть отдохнуть, пообещав собрать все самому. Он утешил Гу Лянчэня, сказав, что они и так уже заработали достаточно денег, и проигрыш в этом конкурсе ничего не значит.

Гу Лянчэнь не стал спорить, прислонился к стволу дерева и сполз на землю, вытянув длинные ноги. Его красивое лицо блестело от пота, ресницы намокли и слиплись. Он уже хотел было вытереть лицо рукавом, как вдруг перед ним возникла тонкая белая рука с бумажной салфеткой.

— На, вытрись, — слышался знакомый голос.

Гу Лянчэнь поднял голову. Это был Сюй Цзиньсяо. Лучи солнца пробивались сквозь листву, освещая его лицо, отчего кожа казалась почти сияющей. Гу Лянчэнь на мгновение замер, взял салфетку и, слегка улыбнувшись, тихо произнес:

— Спасибо.

Его мягкий, спокойный голос прозвучал словно журчание родника, и эти два слова согрели сердце Сюй Цзиньсяо.

— Не стоит благодарности, — ответил он, чувствуя, как краснеют щеки. Про себя он добавил: заботиться о жене — мой долг.

Он сорвал с дерева персик, протер его одеждой и, наклонившись, протянул Гу Лянчэню:

— Съешь, не стесняйся.

Гу Лянчэнь помедлил, глядя на изящные пальцы мужчины и спелый плод. Его кадык дернулся, он слегка приоткрыл губы и ответил:

— Хорошо.

[Наш киноактер такой заботливый! Сердце замирает!]

[Божественная любовь, завидую до смерти.]

[Признаю, раньше я его недооценивала. Как такой нежный мужчина может быть плохим?]

[Пара Лян-Сюй такая сладкая, я не могу! Выбор сделан правильно!]

Убедившись, что Гу Лянчэнь взял персик, Сюй Цзиньсяо вернулся к сбору. Нужно признать, его выносливость была невероятной — несмотря на всю тяжесть пути, он продолжал работать с прежним рвением. Гу Лянчэнь смотрел на его стройную, но сильную фигуру и едва сдержал улыбку.

Вскоре и сам Гу Лянчэнь присоединился к работе. Его эффективность была ниже, чем у Сюй Цзиньсяо, но он старался изо всех сил. Сюй Цзиньсяо же вошел в раж: он превратился в безжалостную машину по сбору персиков, его руки двигались так быстро, что казались размытыми тенями. Ему даже показалось, что он достиг состояния транса. Он постиг высшее искусство сбора урожая! Правда, чувство это быстро улетучилось, но это было неважно — его цель была достигнута.

Его невероятная прыть привлекла внимание других участников. Чжао Явэй, сидевшая под деревом, с ужасом смотрела на него, широко раскрыв глаза. Она толкнула локтем Ли Сянин:

— Ты посмотри на Сюй Цзиньсяо, у него вообще человеческие силы остались? Это нормально?

Не дождавшись ответа, она обернулась и увидела, что Ли Сянин уже клюет носом, а слюнка вот-вот потечет на подбородок. У Чжао Явэй дернулся глаз. Она сильно потрясла Ли Сянин:

— Мы же на съемках, как ты могла уснуть?

Ли Сянин протерла заспанные глаза, пришла в себя и пробормотала:

— Ой, госпожа Чжао, простите, здесь так комфортно, я и не заметила, как задремала.

Она прикрыла лицо руками от стыда, и этот детский жест лишил Чжао Явэй дара речи.

[Моя Сянин такая милая, пусть спит, если хочется (чмок).]

Чжао Явэй беспомощно вздохнула:

— Ладно, вставай, продолжим собирать персики.

— Хорошо, — ответила Ли Сянин, убирая руки от лица.

<http://bllate.org/book/21522/2208943>